

УДК 94(430).053+929 Фридрих II

ФРИДРИХ II ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

С. А. Нагодкина

Саратовский государственный университет
E-mail: nagodkinasvetlana@yandex.ru

В данной статье показан образ прусского короля Фридриха II в восприятии саксонского, английского и французских послов, рассматривается их оценка внутренней и военной политики монарха, определяется роль стереотипных представлений в формировании его образа.

Ключевые слова: стереотипные представления, Фридрих II, характер короля, военная и экономическая политика, взгляды короля на религию.

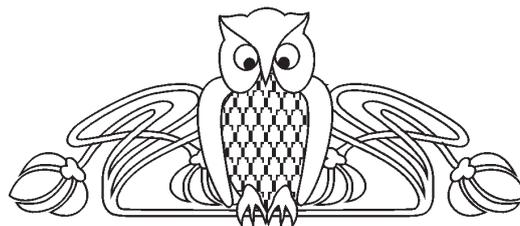
Frederick II by Eyes of Foreigners Contemporaries

S. A. Nagodkina

The article describes the image of Prussian king Frederick II in perception Saxon, English and French ambassadors examined their estimations of internal and military policy of monarch, defined the role of stereotype presentations in forming of image of king.

Key words: stereotype presentations, Frederick II, character of king, military and economic policy, looks of king to religion.

В настоящее время в историографии широкое распространение получили исследования, посвященные взаимовосприятию культур и стереотипам восприятия. Правители тех или иных стран в первую очередь становились объектами наблюдений и умозаключений. Во многом по ним судили об их подданных. В этой связи интерес представляет изучение восприятия прусского короля Фридриха II послами иностранных государств. Причем, когда речь идет о взаимовосприятии представителей разных народов, необходимо учитывать такое явление, как стереотипные представления. Стереотип – упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное, характерное для сферы обыденного общественного сознания представление о каком-либо социальном объекте¹. Но при этом необходимо также учитывать, что дипломаты, находясь по долгу службы за границей, имели возможность самостоятельно формировать представление о предмете восприятия, а потому, вероятно, они могли отступить от обыденного массового стереотипа. Хотя, конечно, нет идеального познающего субъекта, свободного от предрассудков и преубеждений, и в частности от националистического стереотипа, в первую очередь выражающегося в проецировании «своих» ценностей на «чужие». Поэтому в рамках статьи предстоит решить следующие задачи: выявить общее и особенное в восприятии короля иностранцами, определить роль стереотипных представлений в формировании образа короля.

Необходимые сведения содержатся в сообщении саксонского посла Ульриха Фридриха фон Сума, составленном в 1740 г. и адресованном саксонскому двору². У. Ф. фон Сум был посланником при прусском дворе в 1720–1730 гг., когда Фридрих II был еще кронпринцем. Последняя его встреча с наследником престола произошла в 1736 г., а в 1740 г. фон Сум уже служил послом в Петербурге. Но это его сообщение представляет собой не просто воспоминание о прошлом, она содержит обстоятельную характеристику кронпринца, к тому же составленную незадолго до вступления его на престол, что, вероятно, и послужило причиной его написания.

Поскольку целью статьи является рассмотрение восприятия характера и деятельности Фридриха-короля, основными источниками будут служить сведения, касающиеся его уже в качестве монарха. Среди них важное значение имеют «Воспоминания посла маркиза Валори»³, а также его сообщение французскому государственному секретарю иностранных дел д'Аргенсону⁴. Маркиз Валори представлял Францию при прусском дворе с 1739 по 1748 г. и с 1749 по 1750 г., а в 1750 г. его сменил лорд Тирконнелл, который в декабре 1751 г. выслал в Версаль «Описание берлинского двора»⁵, в котором идет речь о первых месяцах его пребывания в Берлине. Характеристике Фридриха II также посвящены «Портрет короля Пруссии»⁶, составленный французским послом герцогом Ниверне в 1756 г., сообщение английского посла Джеймса Харриса английскому государственному секретарю лорду Саффолку⁷ (1776 г.) и воспоминания французского дипломата графа Эстерно⁸ (1786 г.). Указанные источники охватывают большую часть периода правления Фридриха II, потому они позволяют составить целостную картину представлений о его правлении и выявить возможное изменение восприятия характера государя.

Прежде всего следует отметить, что Фридриха II рассматривали в двух ипостасях – как человека и как короля. Такой «двойственный» характер, по мнению современника, был «свойственен всем государям, но ни у кого это деление не было таким явным и сложным»⁹. Ниверне полагал, что «эти две стороны характера тесно переплетались, и из-за этого происходили колебания и противоречия в его поступках»¹⁰.

Обращает на себя внимание схожесть мнений послов относительно противоречивости характера

как главной черты личности Фридриха II: «Он непоследователен и так мало убежден в том, что он говорит, что через четверть часа опровергает свои собственные утверждения», – пишет Валори¹¹. «Он состоит из противоречий», – поддерживает его Тирконнелл¹² и продолжает: «Вечная противоречивость всех его принципов заставляет его делать непоследовательные вещи»¹³. Вероятно, поэтому одни видели его робким, нерешительным и инертным человеком, лишенным мужества¹⁴, как, например, Тирконнелл, другие – «стремительным, тщеславным, требовательным, высокомерным, беспокойным, но одновременно решительным, мужественным, внимательным и благодетельным», как Ниверне¹⁵.

Английский посол Дж. Харрис четко различал качества Фридриха II как короля и человека и полагал, что характер короля определялся смесью варварства и гуманизма. Посол видел, «как он плакал на представлении, как заботился о больной охотничьей собаке, а на следующий день отдавал приказ об опустошении целой провинции ... Он ускорил смерть своего единственного брата тем, что во время его последней болезни постоянно выказывал свое недовольство им»¹⁶. «Он не наказывал преступников смертью за небольшое преступление, но во время последней войны дал фельдшерам тайный приказ оставлять раненых солдат умирать, поскольку не желал роста числа инвалидов и расходов на их содержание»¹⁷. По мнению Дж. Харриса, хотя государь и казался филантропом, благосклонным и добрым, но он отказывался от этих качеств, когда выступал как король, и за ним следовали тогда опустошение и беды¹⁸. Английский посол писал, что «Фридрих II никогда не терял цели ... и в решающий момент он оставлял чувства в стороне»¹⁹.

По признанию лорда Тирконнелла, сложность при определении характера Фридриха II заключалась в том, чтобы среди множества противоречивых заявлений найти его настоящие убеждения²⁰. Герцог Ниверне также признавался, что сложно понять короля²¹. Но, несмотря на непродолжительное знакомство²², ему все же удалось составить собственное мнение о Фридрихе II, которое во многом совпадало с мнением других послов. Так, Тирконнелл и Валори отмечали, что король от природы был недоверчивым и думал о людях плохо²³, а Валори добавлял, что Фридрих II «лишь немногих считал разумными»²⁴. Лорд Тирконнелл писал, что «от этого недоверия к своим подданным и к их способностям и происходило его стремление всем заниматься самостоятельно, не полагаясь на министров»²⁵. Ниверне также сообщал, что Фридрих II «не спрашивает ни у кого совета ... и если случалось так, что король был болен, то ведение всех государственных дел прекращалось, и государство замирало как часы, чей заводной ключ был потерян. Этот государь знает и делает все один; он единственный, кто все знает и делает»²⁶. Действительно, король все

свои дела вел сам, он даже назначал младших офицеров²⁷. Но не все были согласны с мнением, что такая самостоятельность короля происходила от недоверия к способностям своих подданных. Так, в сообщении английского посла Дж. Харриса мы находим опровержение такой точки зрения: Фридрих II управлял, руководствуясь только своими собственными суждениями, не прибегая к совету министра или высокого чиновника «не столько из-за низкого мнения, которое он имел об их способностях, сколько больше из убеждения, что если не использовать их в качестве простых инструментов, то они со временем станут выражать свою собственную волю и выдвинутся в главные действующие лица»²⁸. То есть в этом тоже проявлялось недоверие к своим подданным, но не из-за сомнения в их разумности или способностях, а из-за опасения претензий на политическую власть. Скорее это было выражением абсолютистских устремлений Фридриха II, выразившимся в нежелании делиться своей властью. Чем же тогда занимались прусские министры? По признанию графа Эстерно, у них и их персонала было очень мало дел. Каждый из них мог провести четыре часа за столом, поспать после обеда и остаток дня посвятить общению²⁹. Это было образом жизни, который, как пишет граф, «не способствовал развитию умственных способностей»³⁰. Он считал, что «королевская семья возвышается над нацией и что никого нельзя сравнить с прусским государем и принцем Генрихом»³¹. Вероятно, такое утверждение француза лишь подчеркивает абсолютистский характер власти Фридриха II.

Еще одной характерной чертой, влияющей на действия короля, по признаниям современников, были жажда славы, желание отличиться³², их называли главной или даже единственной страстью его жизни³³. В этом были согласны немец У. фон Сум и француз Ниверне. Так, У. фон Сум писал: «Я полагаю, что самая сильная его страсть – слава и хорошая репутация»³⁴. Ниверне также утверждал, что «он любит славу»³⁵. Граф Эстерно считал выражением этой страсти стремление достичь славы во всем – как законодателя, писателя, великого государя³⁶. Маркиз Валори также отмечал, что король жаждал славы многосторонней личности – как поэта, оратора, музыканта. Но не все удалось Фридриху II в равной степени. Как писал граф Эстерно, «хотя в Европе и говорили о “Кодексе Фридриха” и считали его законодателем, в действительности это уложение имело целью регулировать лишь некоторые формальности и ничего не меняло в законах»³⁷. Подводя итог правлению Фридриха II, французский дипломат сообщал в 1786 г., что в области судопроизводства по уголовному праву только король мог изменить решение суда всех трибуналов, то есть в части судебных решений он был единственным судьей в своем королевстве. Король чаще склонялся к помилованию, в то время как его отец был чрезвычайно строг. Для гражданского судопроизвод-

ства существовало писанное право, но не было адвокатов, не было открытой речи прокурора и защитника в суде. Процессы длились по двадцать лет. По признанию графа Эстерно, «в гражданском судопроизводстве дела обстояли не лучше, чем в других немецких землях»³⁸.

Сложно судить об объективности мнения француза. В Берлине он служил с 1786 г., но определить, насколько он был знаком с судопроизводством в Пруссии и других немецких землях, не представляется возможным. Что касается системы судопроизводства в Пруссии, то исследователи более высоко оценивают результаты его законодательной деятельности Фридриха II, отмечая большую работу, проделанную им и его министром юстиции Кокцеи и направленную на ее упорядочение³⁹. Вероятно, негативная в целом оценка, которую дает граф-француз прусской системе права, связана с тем, что сравнивает он ее с хорошо известной ему родной, французской, также не идеальной. Ведь во Франции накануне революции существовала архаичная и консервативная система права, не было единого национального правового комплекса, царил правовая разобщенность, а требования коренной реформы права содержались в многочисленных наказах третьего сословия своим депутатам в Генеральных штатах в мае 1789 г.⁴⁰ Хотя прямых указаний на сравнение в тексте нет, тем не менее необходимо иметь в виду, что когда речь идет о восприятии, то субъект восприятия и его идеи находят отражение в воспринимаемом объекте, происходит так называемое проецирование «своего» на «чужое».

Что касалось литературных опытов короля, то граф сомневался, что автором «Бранденбургских достопамятностей» был Фридрих II. Он считал, что «отлично написанное и изданное под его именем историческое произведение “Бранденбургские достопамятности” вышло из-под пера Вольтера, ведь каждое письмо и даже каждое слово короля несло на себе отпечаток германизма и свидетельствовало о незнании французского языка»⁴¹. Вероятно, основанием для этого служило то, что хотя король и писал свои книги на французском языке, качество текста оставляло желать лучшего, а потому Вольтер правил произведения Фридриха II, о чем встречаются сведения в переписке прусского монарха с французским философом. Подтверждением этому может служить критика, которую высказал Вольтер в отношении одного из его произведений. Так, в письме от 5 января 1767 г. он просит Фридриха II исправить ошибку, поскольку недопустимо, «чтобы *haïr* было двусложное»⁴². Таким образом, граф Эстерно отказывал Фридриху II в литературном таланте, отдавая дань уважения французскому философу. Тем не менее при всей важности работы Вольтера в качестве редактора представляется неверным отрицание роли прусского короля как автора.

Граф Эстерно отмечал успехи короля в военном деле и финансах, признавая, что Фридрих II

создал большую войско и оставил своему наследнику богатую казну⁴³. Но, по мнению послов, король не любил заниматься военными делами, считал их лишь необходимой основой своей силы, а приписывание ему из-за его военных успехов жажды завоеваний они считали ошибкой. Так, лорд Тирконнелл писал о Фридрихе II: «От природы он инертный и ненавидит все, что называется военным искусством. Несмотря на это, он преодолевает свои склонности ... Он считает ее [армию] необходимой основой своей власти»⁴⁴. Ниверне подтверждал это мнение: «Из-за его военных успехов ... общественность приписала ему жажду завоеваний; я считаю, что это неверно»⁴⁵. Король всегда ходил в военной форме и хотел, чтобы его двор походил на штаб-квартиру. Цель этого, по мнению Ниверне, заключалась в том, чтобы у своих военных, подданных и соседей укрепить убежденность в совершенстве прусской армии и через эту убежденность обеспечить безопасность страны, поскольку, как считал Ниверне, король очень боялся, что на Пруссию нападут, а «его страну при ее положении трудно защищать»⁴⁶. Вероятно, «положение», которое имел в виду француз, подразумевало отсутствие единства прусской территории, ведь на тот момент государство состояло из двух частей, отделенных друг от друга территорией Речи Посполитой. В военное время такая разобщенность территории государства действительно ухудшает его обороноспособность. Как писал Ниверне, у Фридриха II «в характере, принципах не было склонности к войне»⁴⁷. Тем не менее в 1756 г., перед началом Семилетней войны, он отмечал: «Но из-за тщеславия и ума он никогда не позволит на себя напасть. Он намерен опережать своих врагов. Сейчас у него в голове много подозрений по отношению к своим соседям и это легко воспламеняющийся материал...»⁴⁸. В то же время граф Эстерно пишет, что «король всегда заключал мир, как только представлялся случай»⁴⁹. За сорок шесть лет его правления было только двенадцать военных лет. Таким образом, для французских послов характерно оправдание военной политики Фридриха II. В этой связи обращает на себя внимание то, что Ниверне писал непосредственно накануне, а Эстерно – после Семилетней войны, во время которой Франция была противником Пруссии. Думается, что и оценка деятельности врага должна была быть соответствующей. Но поскольку Ниверне и Эстерно прежде всего дипломаты, то скорее здесь можно говорить об их попытке абстрагироваться и объективно оценить предмет – военную политику прусского короля.

Что касается финансов, то и здесь оценка иностранцами деятельности Фридриха II во многом совпадает. По мнению Ниверне, хотя управление финансами и их распределение в Пруссии и было образцом для подражания, в этом была заслуга предшественника Фридриха II, а он лишь ограничился тем, что в некоторых во-

просах усовершенствовал систему⁵⁰. Ниверне считал необходимым похвалить Фридриха II за экономность⁵¹. Поскольку его страна по положению и природным условиям имела мало выгод для торговли и возможности денежного оборота были ограниченными, Фридрих II вынужден был быть очень бережливым. Король верил, что недополученные от внешней торговли доходы можно возместить таможенными сборами, поэтому везде повысил пошлины во вред внутренней торговле. В целом ему удалось скопить казну. Хотя соседи и считали его жадным, он не экономил на нужных, по его мнению, вещах, к которым относились армия, строительство, организация поселений, увеличение численности населения. Король со всего мира привлекал нужных людей, используя денежный стимул.

В отличие от Ниверне английский посол Дж. Харрис в целом негативно оценивал деятельность короля в сфере экономики. По его мнению, Фридрих II не смог понять, что большая казна, сохранявшаяся в кассах, делала королевство бедным, что привилегии и исключительная монополия тормозили конкуренцию и ремесленное усердие. Он также упрекал Фридриха II в непонимании того, что богатство увеличивается через оборот денег и что торговля не может существовать без переменной выгоды, а богатство государя состоит в благосостоянии и обогащении его подданных⁵². Дж. Харрис считал, что «король заблуждался в своей экономической политике, и это заблуждение приводило к увеличению бедности его подданных»⁵³.

О финансовой политике Фридриха II писал и граф Эстерно. Он утверждал, что король ежегодно клал в казну 8 млн ливров, а излишек тратил с крайней щедростью, тратя деньги на колонизацию, на денежное вспомоществование своим провинциям, когда Рейн, Эльба, Одер и Висла наносили им ущерб, на ссуды, которые он предоставлял мануфактурам, и на значительное число подарков, которые он делал своей семье и своим генералам⁵⁴. Эстерно признавал также, что никто не обладал сведениями о доходах короля, но «один умный человек, который раньше пользовался его милостью, слышал, как он несколько раз говорил, что его бюджет составляет 64 млн ливров, из которых на армию тратятся 52 млн, на двор и гражданских чиновников – 4 млн, а 8 млн остаются в казне»⁵⁵. Относительно расходной части прусского бюджета граф не давал оценок. Он ограничивался тем, что приводил лишь факты.

По мнению графа Эстерно, королевские домены приносили 9 млн рейхсталеров, или 36 млн ливров дохода. Они занимали треть земельной собственности королевства и половину всей хорошей земли. Отсюда следовала всеобщая бедность подданных, когда доходы населения составляли лишь половину доходов короны. При такой бедности было невозможно, чтобы преуспевали основанные королем мануфактуры,

производившие предметы роскоши. Они все время находились на грани разорения. Фридрих II поддерживал их своими пособиями и заказами, и без его субсидий эти предприятия перестали бы существовать.

Еще одним следствием бедности населения граф называл унижение, которое выражалось в том, что дворяне соглашались на любую службу и становились начальниками почтовых отделений, акцизными и горными чиновниками, то есть смотрителями за рабочими, а также секретарями при судах. Не было профессии, которой бы они пренебрегали. Должности оценивались только по их прибыльности. Граф Эстерно писал, что «слово “честь” производило не такое сильное впечатление, как слово “выгода”»⁵⁶. В этом проявлялось отличие менталитета французского дворянства от немецкого.

Оценивая экономическую политику Фридриха II, граф полагал, что торговля в Пруссии была развита меньше всего. Так же как и английский посол, он считал, что король чинил ей препятствия монополией и запретами всех видов. Вместо того чтобы понять, что торговля состоит в обмене товарами, он всегда лишь продавал, не желая ничего покупать у других наций. Список запрещенных для ввоза товаров, по свидетельству посла, был длиннее списка тех, ввоз которых был разрешен, следствием чего стали неминуемая контрабанда и потери в таможенных сборах. Король даже установил таможи между провинциями⁵⁷. Граф Эстерно писал: «Влияние, которое сегодня имеют торговля и морское судоходство на политическую систему Европы, ему неизвестно. Он его не видит и не хочет, чтобы ему на него указали. Из-за своего высокомерия он считает торговлю неважной, так как он видел, что его власть и способности в этой сфере незначительны и не имеют влияния. Он злится на торговлю, поскольку сам не ведет торговли, и на Америку, так как у него нет там колоний»⁵⁸. Приведенное графом мнение подтверждает верность Фридриха II принципам меркантилизма, выраженным в стремлении к установлению положительного баланса внешней торговли, но в условиях развития мирового рынка такая политика себя изжила. В Европе, и в частности во Франции, уже наметился переход от меркантилизма к либеральной экономике физиократов. В то же время граф Эстерно отмечал, что Фридрих II понимал важность владения колониями для процветания страны.

При оценке личных качеств Фридриха II современники обращали внимание на религиозные взгляды короля Пруссии. Герцог Ниверне в своем «Портрете короля Пруссии» писал об отсутствии религиозности у Фридриха II. Он считал, что «король выставлял напоказ свое религиозное равнодушие, и ему нравилось подчеркивать свое неверие, хотя он сам и не комментировал взгляды на эту тему»⁵⁹. По истечение трехчасовой беседы с королем на тему

религии французскому посланнику показалось, что у Фридриха II в голове лишь вольтеровские насмешки и аргументы Бейля⁶⁰. Ниверне полагал, что король был таким же неверующим, как многие христиане – верующими, а его неверие являлось лишь видом предубеждения против веры⁶¹. Целью такого показного «безбожия» герцог называет намерение открыто сообщить, что он одинаково относится ко всем вероисповеданиям, которые были в его стране и которые он сам «привел» в свою страну, и что он соблюдает полный нейтралитет. «Пруссия – единственная страна в Европе, где толерантность всеобщая и неограниченная. Каждое религиозное общество в своем управлении свободно. Пруссия – единственная страна, где, не мешая друг другу, рядом существуют несколько религий, но вместе с тем и самая безбожная страна в мире», – пишет Ниверне⁶². По его мнению, принципы протестантизма, равнодушие северных стран ко всем духовным вещам и пример государя сделали неверие очень распространенным в Берлине⁶³.

Ниверне отрицательно оценивал религиозную политику Фридриха II. Герцог считал, что при рассмотрении с рациональной точки зрения поступков и взглядов короля можно было установить, что король Пруссии в религиозных вопросах действовал неумело, ведь исповедуя веру своих отцов, он сумел бы приобрести в Германии совсем другое влияние, возвысить авторитет своего дома в империи, встать на место Густава Адольфа. Современной ему Пруссии удалось бы занять положение, которое тогда было у Швеции, и все протестанты были бы на ее стороне. Ниверне полагал, что король понимал это, поскольку внимательно следил за тем, чтобы его семья строго исповедовала кальвинизм. Но, по мнению посла, этого было недостаточно, королю тоже следовало его исповедовать, «иначе рано или поздно это выйдет ему боком»⁶⁴. Он считал, что при великих качествах Фридриху II было бы легко стать кумиром Германии, встать во главе евангелической партии, вернуть ей потерянную силу и объявить себя покровителем всех протестантских государей. Но вместо этого он выставлял напоказ свое презрение к мелким государям и их интересам в конфликтных вопросах в империи, а посредством привлечения поселенцев в свою страну и причинением вреда торговле из-за своей таможенной политики сделался им ненавистным. Союзов король не заключал, поскольку надеялся на сильную армию. Такую политику Фридрих II посол считал ошибочной⁶⁵ и отмечал, что «Пруссия – государство, окруженное врагами»⁶⁶.

Таким образом, современники представляли Фридриха II крайне противоречивой личностью, главной движущей силой которой было стремление к славе, чем они и объясняли все его практические действия. По мнению послов, эти черты характера Фридриха-человека непосредственно влияли на принятие решений Фридрихом-коро-

лем. Вместе с тем такие качества, как милосердие и сострадание, на которые указывает Дж. Харрис, были присущи человеку и отрицались королем, причем король во Фридрихе II обычно «побеждал» человека. Для короля, как считали современники, были характерны жесткость и в отдельных случаях даже жестокость действий, верность избранным принципам экономической, религиозной и военной политики. Таким образом, необходимо заметить, что Фридрих-человек отличался от Фридриха-короля, но вместе с тем характерные черты его личности оказывали значительное влияние на его деятельность.

Что касается стереотипа восприятия монарха-немца, то представляется возможным указать лишь на выделяемые послами черты Фридриха II, присущие, по их представлениям, всем немцам, – педантизм, выраженный в стремлении заниматься делом, обращая внимание на все тонкости, и приверженность к дисциплине и модели «командование – подчинение» (умение либо только командовать, либо только подчиняться). Думается, подтверждение последнему они находили в единоличном стиле правления Фридриха II. Но, как отмечалось, скорее такой стиль был обусловлен системой абсолютизма, а не особенностями национального характера немцев. В целом для саксонского, английского и французских послов характерно сходство восприятия короля-немца. Вероятно, это связано с тем, что они принадлежали к интеллектуальной элите своих стран, к привилегированным слоям, межнациональные связи между которыми были теснее, чем связи внутри нации, а потому следствием взаимовлияния было единство взглядов, идей и стереотипов.

Примечания

- 1 См.: Егорова-Гантман Е., Плеваков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения*. М., 1988. № 12. С. 21–22.
- 2 См.: Ulrich Friedrich von Suhm : Bericht an den saechsichen Hof // *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit*. Band XXII. Friedrich der Grosse. Darmstadt, 1982. S. 546–548.
- 3 См.: Valory V. L. H. Memoires des negociations du marquis de Valory // *Ibid*. S. 552–554.
- 4 См.: Valory an d'Argenson // *Ibid*. S. 551–552.
- 5 См.: Tyrconnel R. F. T. Tableau de la cour de Berlin // *Ibid*. S. 554–555.
- 6 См.: Nivernais L. J. B. M. Portrait du roi de Prusse // *Ibid*. S. 555–562.
- 7 См.: Harris an Lord Suffolk ueber Friedrich II // *Ibid*. S. 563–564.
- 8 См.: Esterno A. J. P. R. Memoire // *Ibid*. S. 564–566.
- 9 Nivernais L. J. B. M. Op. cit. S. 556.
- 10 *Ibidem*.
- 11 Valory V. L. H. Memoires des negociations du marquis de Valory. S. 553.

- ¹² *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 554
- ¹³ *Ibidem.*
- ¹⁴ *Ibidem.*
- ¹⁵ *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 556.
- ¹⁶ Harris an Lord Suffolk ueber Friedrich II. S. 563.
- ¹⁷ *Ibidem.*
- ¹⁸ *Ibidem.*
- ¹⁹ *Ibidem.*
- ²⁰ См.: *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 555.
- ²¹ См.: *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 556.
- ²² Герцог Ниверне прибыл в Берлин в январе 1756 г. для заключения нового договора между Францией и Пруссией взамен истекающего и находился в Берлине три месяца, до марта 1756 г.
- ²³ См.: *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 554 ; *Valory V. L. H.* Memoires des negociations du marquis de Valory. S. 553.
- ²⁴ *Valory V. L. H.* Memoires des negociations du marquis de Valory. S. 552.
- ²⁵ *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 554.
- ²⁶ *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 556.
- ²⁷ См.: *Valory an d'Argenson.* S. 551.
- ²⁸ Harris an Lord Suffolk ueber Friedrich II. S. 563.
- ²⁹ См.: *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 566.
- ³⁰ *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 566.
- ³¹ *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 566. Принц Генрих (1726–1802) – брат Фридриха II, проявил себя в качестве незаурядного полководца и дипломата.
- ³² См.: *Ulrich Friedrich von Suhm : Bericht an den saechsichen Hof.* S. 547 ; *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 554 ; *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 556, 559 ; *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 564.
- ³³ См.: *Valory V. L. H.* Memoires des negociations du marquis de Valory. S. 553.
- ³⁴ *Ulrich Friedrich von Suhm : Bericht an den saechsichen Hof.* S. 547.
- ³⁵ *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 556
- ³⁶ См.: *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 564.
- ³⁷ *Ibidem.*
- ³⁸ *Ibid.* S. 566.
- ³⁹ См.: *Luig K.* Zivilrecht und Zivilrechtspflege // Panorama der Fridericianischen Zeit : Friedrich der Grosse und seine Epoche. Bremen, 1985. S. 379–380 ; *Regge J.* Strafrecht und Strafrechtspflege // *Ibidem.* S. 372–375.
- ⁴⁰ См.: *Крашенинникова Н., Жидкова О.* История государства и права зарубежных стран. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/istrp/index.php (дата обращения: 8 декабря 2011 года).
- ⁴¹ *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 564.
- ⁴² Переписка Фридриха Великого Короля Прусского с Господином Вольтером с 1736 по 1778 год : в 3 ч. СПб., 1816. Ч. 2. С. 179.
- ⁴³ См.: *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 564.
- ⁴⁴ *Tyrconnel R. F. T.* Op. cit. S. 554.
- ⁴⁵ *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 560.
- ⁴⁶ *Ibid.* S. 560–561.
- ⁴⁷ *Ibid.* S. 561.
- ⁴⁸ *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 561.
- ⁴⁹ *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 564.
- ⁵⁰ См.: *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 560.
- ⁵¹ *Ibidem.*
- ⁵² Harris an Lord Suffolk ueber Friedrich II. S. 563.
- ⁵³ *Ibid.* S. 564.
- ⁵⁴ См.: *Esterno A. J. P. R.* Op. cit. S. 565.
- ⁵⁵ *Ibidem.*
- ⁵⁶ *Ibidem.*
- ⁵⁷ *Ibidem.*
- ⁵⁸ *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 562.
- ⁵⁹ *Ibid.* S. 557.
- ⁶⁰ Пьер Бейль (1647–1706) – французский публицист и философ. Он являлся горячим сторонником религиозной терпимости, считал, что врожденные способности человеческого разума могут привести человека к пониманию истинной морали, независимой от религии, отделял мораль от религии, а веру от разума. Вольтер (1694–1778) – один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII в., – не выступая за ликвидацию религии как таковой, лишь требовал религиозной свободы. Вместе с тем источниками веры он считал невежество, фанатизм и обман. Ему принадлежит идея, что религия возникла тогда, когда встретились мошенник и глупец.
- ⁶¹ См.: *Nivernais L. J. B. M.* Op. cit. S. 557.
- ⁶² *Ibid.* S. 559.
- ⁶³ *Ibidem.*
- ⁶⁴ *Ibid.* S. 559–560.
- ⁶⁵ *Ibid.* S. 562.
- ⁶⁶ *Ibidem.*